

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 122/129
doi: 10.17223/15617793/515/7

Критика критики: от Просвещения через Франкфуртскую школу к постструктурализму и деконструкции

Алексей Михайлович Ульянов¹

¹ Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия, lesh.ulyanov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция критического мышления от эпохи Просвещения до постструктурализма. Анализируются ключевые поворотные моменты в развитии критических теорий. Рассматриваются взаимоотношения между Просвещением и его критиками, такими как Ж.-Ж. Руссо и Франкфуртская школа, а также анализируется дальнейшая деконструкция критика в работах Ж. Деррида и постструктуралистов. Представлен анализ критического дискурса через призму его трансформаций, а также предпринимается попытка определить сложную природу современной критической мысли, балансирующей между автономией и встроенностью в институциональные структуры.

Ключевые слова: Просвещение, Ж.-Ж. Руссо, критическая теория, Франкфуртская школа, деконструкция, постструктурализм

Для цитирования: Ульянов А.М. Критика критики: от Просвещения через Франкфуртскую школу к постструктурализму и деконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 63–68. doi: 10.17223/15617793/515/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/7

Critiquing criticism: From the Enlightenment to the Frankfurt School and poststructuralist deconstruction

Aleksey M. Ulianov¹

¹ Orel State University, Oryol, Russian Federation, lesh.ulyanov@yandex.ru

Abstract. This article explores the evolution of critical thought from the Enlightenment through the Frankfurt School to poststructuralism and deconstruction, focusing on the transformations and critiques of critique itself. The author's central objective is to investigate how critical thinking, initiated during the Enlightenment, progressively evolved through various intellectual stages, undergoing significant transformations and critical reinterpretations. The methodological framework of the article includes a historical-comparative analysis, combined with a textual interpretation of critical philosophical works. The research begins by addressing the Enlightenment as a pivotal historical and intellectual milestone, focusing particularly on the ambiguous role of Jean-Jacques Rousseau within Enlightenment thought. Rousseau's critique of civilization and culture, favoring a return to a pre-cultural, natural state, introduces early tensions within Enlightenment philosophy, challenging its predominantly pro-cultural stance. Rousseau's linguistic dichotomy between spoken and written language further enriches the analysis, providing essential insights into Enlightenment criticism's inner contradictions. The analysis transitions to the Frankfurt School, highlighting Herbert Marcuse's critique of modern capitalist civilization as inherently repressive. Marcuse's ideas, reflecting an echo of Rousseau's anti-civilizational sentiments, suggest parallels between Enlightenment criticism and Frankfurt School theory, emphasizing cultural repression and alienation. Further, the research methodically examines how Jacques Derrida and poststructuralists undertake a critical reinterpretation and radical deconstruction of Rousseau's Enlightenment critique. Derrida challenges Rousseau's binary oppositions, such as nature-culture and speech-writing, proposing instead a complex interplay where culture and language precede the supposed "natural" state. The research thus elucidates Derrida's concept of *différance*, highlighting how meaning in cultural and linguistic contexts remains perpetually deferred and fragmented, fundamentally undermining traditional Enlightenment binaries. Finally, the article integrates these philosophical debates within the contemporary context of institutional critique, particularly through the prism of the "University discourse." Utilizing contributions by thinkers like Slavoj Žižek and Michel Foucault, as well as sociologist Bruno Latour, the author critically assesses the paradoxical relationship between intellectuals and institutional frameworks. The article concludes by reflecting on the intricate trajectory of critical thought, demonstrating its evolution from Enlightenment rationality to contemporary poststructuralist positions. The research significantly clarifies how critical theories navigate between negative critique and self-reflexive deconstruction, ultimately articulating the ongoing tension and productive interplay within modern intellectual discourses.

Keywords: Enlightenment, Jean-Jacques Rousseau, critical theory, Frankfurt School, deconstruction, poststructuralism

For citation: Ulianov, A.M. (2025) Critiquing criticism: From the Enlightenment to the Frankfurt School and poststructuralist deconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 63–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/7

Трансформация проблемного поля, репрезентирующего проблематичную неустойчивость современности, меняет и актуальную критику, с которой к этим проблемам подступаются. Многие критические нарративы, актуальные еще каких-нибудь несколько десятков лет назад, более того, кажущиеся неприступными бастионами критической мысли, сейчас сами подвергаются нещадной деконструкции / деконструктивистски изобличительной критике, которая, в свою очередь, подвергается автодеконструкции в n -й степени, и так фактически прогрессия разрастается до бесконечности (почти дурной бесконечности, как у Г. Гегеля) или до самоуничтожения, как у Б. Латура. «Другие сохранили первоначальное направление, заданное Империей знаков, и принялись деконструировать самих себя, создавая автономные толкования автономных толкований и так вплоть до самоуничтожения» [1. С. 162]. Кажется, наиболее разумно было бы занять позицию относительно топоса критика в ландшафте современности, которую предлагает С. Жижек: злободневно находиться внутри мейнстрима, сплавливать попсу и критическую теорию в некую зону неразличимости, где больше не будет места вне, но всегда внутри, не будет верха и низа, высокого и низменного и т.п. Такая позиция весьма успешно укладывается в логику разрушения бинарных оппозиций, предпринятых Ж. Дерридой в его деконструкции, более того, она позволяет саботировать систему смыслов/ценностей (существование которой все же сложно отрицать) изнутри, находя в ней слабые места и в пределе умудряясь обращать логику её работы против неё же самой. Только, как кажется, еще больше её радикализирует. Но прежде чем дойти до позиции С. Жижека, целесообразно обозреть критические ходы предыдущих эпох и попытаться проследить, как, во-первых, разрушались бинарные оппозиции (акцент на знаменитом втором [элементе] перед первым в логике постструктуралистов), а, во-вторых, попытаться схематично представить развитие критических теорий в соответствии со следующей цепочкой: Просвещение – критика Просвещения – критика критики Просвещения. Разрешению данных вопросов и будет посвящена данная статья.

Эпоху Просвещения можно по праву считать определяющей вехой в истории развития европейской культуры и западной цивилизации в целом, существенное влияние которой до сих пор прослеживается в некоторых местах философского, политического и социального дискурсов современности (не говоря уже о дискурсах повседневности). Просвещение возникло как критическая реакция или даже революционная теза третьего сословия на абсолютистский характер политической власти и религиозный догматизм, и для XVIII в. обладало действительно впечатляющим революционным зарядом. В более спокойном и интеллектуально выверенном ключе Просвещение определил вслед за И. Кантом М. Фуко в своей небольшой статье

«Что такое Просвещение?»: «Кант сразу же отмечает, что этот “выход”, через который он характеризует Просвещение, – процесс, выводящий нас из состояния “несовершеннолетия”. И под “несовершеннолетием” он подразумевает некое состояние нашей воли, заставляющей нас склоняться перед авторитетом кого-то другого, вводящего нас в те области, где следует пользоваться разумом» [2. С. 3]. То есть фактически Просвещение – период, поместивший человечество в возраст интеллектуальной зрелости, период рождения критики в том смысле, в котором мы привычно употребляем данный термин. Нет нужды пытаться пересказать основные идеи просветительских мыслителей, тем более, они будут имплицитно содержаться в дальнейшем тексте и развертываться в процессе написания. Гораздо интереснее сразу сосредоточить внимание на одной противоречивой фигуре той эпохи – фигуре Ж.-Ж. Руссо. В то время как большинство философов-энциклопедистов делали ставку на культуру и ее рефлексивную экспансию во все сферы жизни общества, в первую очередь политическую и социальную, Ж.-Ж. Руссо сделал ставку на опрощение и возврат к докультурному/природному состоянию человека. Через весь текст (сложно, вслед за М. Фуко, определить, что следует отнести к произведениям того или иного автора) Ж.-Ж. Руссо красной нитью проходит явное различие между природой и культурой, причем предпочтение всегда и всецело отдается природе (квинтэссенция и предтеча темы опрощения в духе толстовства). Под культурой Ж.-Ж. Руссо понимает все искусственно привнесенное человеком в мир, включая социальное, экономическое, политическое устройство общества, художественные искусства и науки, даже ход мыслей, религиозные верования и т.п. Все это, по мнению просветителя, репрессирует первозданную, девственную и непорочную природу человека, убивает изначально данную ему свободу. Так, в работе «Рассуждение о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо пишет: «В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей, Науки, Литература и Искусства – менее деспотичные, но, быть может, более могущественные, – покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены; заставляют их любить свое рабское состояние и превращают их в то, что называется цивилизованными народами» [3. С. 27]. Таким образом, для Ж.-Ж. Руссо принципиально важно допущение, что существует некая незамутненная цивилизацией и культурой человеческая природа, вернуться к которой, пусть только лишь посредством теоретического провозглашения, является первостепенной задачей. Ибо только жизнь в гармонии с этой природой может вернуть человеку когда-то потерянное счастье чуть ли не Эдемского сада.

В том числе и для обоснования превосходства природы над культурой, а также для упрочения и углубления собственного метода Ж.-Ж. Руссо вводит еще одно лингвистическое различие между письмом и речью, подробно разработанное им в трактате «Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании». Живая речь (голос) лежит в основе образования любого общества, является «первым общественным установлением», так как именно ораторские навыки необходимы для удержания внимания собравшихся людей. «В древние времена, когда действовали убеждением, а не общественным насилием, красноречие было необходимо». В свою очередь, расцвет письменности и усложнение структуры письма, неизбежно сопровождающие развитие любых цивилизаций и культур, негативно влияют на разговорный язык, обедняют живую речь и свидетельствуют о редукции подлинного смысла вербальной коммуникации к формализму и невыразительности невербальной. «Письменность, которая как будто должна закрепить в языке установившиеся формы, как раз меняет его. Она искажает не слова, а дух языка, подменяя выразительность точностью». Таким образом, сначала было живое слово, способное устанавливать и поддерживать социальную общность и способность вести коммуникацию на подлинном уровне. С развитием культуры и письменности живой язык подвергся выхолощенности и редукции первоначального/явленного смысла. Именно этот тезис Ж.-Ж. Руссо будет особенно активно оспаривать Ж. Деррида в контексте их заочной полемики.

Акцентный анализ фигуры Ж.-Ж. Руссо (пока лишь в топологии и семантике Просвещения) позволяет сделать ряд выводов, существенных для понимания целей данной статьи. Во-первых, эпоха Просвещения не так проста и однозначна, как это может показаться на первый взгляд, в её лоне сформировались концепты и целые теоретические/критические концептуальные линии, входящие в противоречие с лейтмотивом эпохи: дух культурного просвещения как сила эмансипации, фигура Ж.-Ж. Руссо, пожалуй, тому самое явное подтверждение. Во-вторых, критика Франкфуртской школы особенно в изводе её некоторых представителей во многом повторяет ходы, концептуализированные Ж.-Ж. Руссо, которого в таком ракурсе можно рассматривать как подрывной элемент самого Просвещения, сработавшего на опережение своего времени. Здесь уместно вспомнить работу Г. Маркузе «Эрос и цивилизация», в которой ныне не слишком почитаемый в интеллектуальной среде теоретик Франкфуртской школы показывает, как современная ему система капиталистического производства, технологический и научный прогресс, техники власти и т.п. создают «репрессивную цивилизацию». По мысли Г. Маркузе, западное общество не дает индивиду удовлетворить присущую ему тягу к удовольствию, в первую очередь сексуальному, подчиняя её интересам буржуазной семьи, порицающему сексуальную свободу пуританскому государству и ряду других репрессивных социальных институтов и механизмов. Сексуальное удовольствие заменяется сублимацией Эроса, которая проявляется в

виде суррогатного удовольствия от безудержного потребления и все большей зависимости индивида от индустрии развлечений. Тяга к смерти переориентируется на тяжелый труд, личностную ориентацию на построение карьеры, растворение в работе. Все это в совокупности трансформирует принцип удовольствия в принцип реальности и гарантирует индивиду лишь чувство мнимой безопасности и комфорта, но не приносит никакого удовольствия/удовлетворения. В противовес «репрессивной цивилизации» Г. Маркузе призывает к построению цивилизации нерепрессивной, в которой произойдет примирение принципа удовольствия и принципа реальности, а труд будет носить либидозный характер. «В условиях действительности, управляемой принципом производительности, такой либидозный труд – редкое исключение и возможен либо за пределами, либо на периферии мира труда – как “хобби”», игра или в непосредственно эротической ситуации» [4. С. 191]. Кажется, параллели с «антипросветительской» критикой Ж.-Ж. Руссо очевидны. В-третьих, несмотря на оригинальность подхода Ж.-Ж. Руссо к позиции соотношения природы и культуры (для его системы координат очевидно, что природа – первый элемент, всегда предшествует культуре, взятой как второй элемент), логика его рассуждений остается заложницей бинарных оппозиций, с которыми как с некритичными или даже ложно поставленными проблемами во второй половине XX в. будут бороться представители постструктурализма и психоанализа лакановского типа. Об этом – далее в статье.

Теперь обратимся к рецепции идей Ж.-Ж. Руссо в постмодернистском дискурсе. Ключевой фигурой здесь выступит Ж. Деррида, условный «родоначальник» деконструкции. Именно с позиции деконструкции или производственного чтения Ж. Деррида и подходит к текстам Ж.-Ж. Руссо. В первую очередь, Ж. Деррида подрывает и объявляет ложным различие между природой и культурой или человеком естественного состояния и человеком окультуренным. В этом заключается нерв его борьбы с бинарными оппозициями. С точки зрения Ж.-Ж. Руссо, культура добавляется к природе или привносится человеком искусственным образом, нарушая его первоначальную гармонию, как второй элемент (даже радикально необязательный). Человека «до культуры» можно помыслить и даже провозгласить идеалом, к которому следует вернуться. Для Ж. Деррида такая оппозиция/дихотомия является лишь уловкой человека изящной и высокой культуры, коим и является, собственно, Ж.-Ж. Руссо, который всегда совершает двойной жест своим теоретизированием. Корректно помыслить человека природного невозможно, это ложно поставленная проблема, иллюзия (вполне вероятно, осознаваемая самим Ж.-Ж. Руссо). Невозможно полностью отделить человека/субъекта (если вообще допустить правомерность такого ярлыка) от символических, культурных и даже бессознательных структур, которыми он детерминируется. Любая наивная мысль, если она действительно наивна, будет неинтересна и просто не попадет в область сознания, а если она сознает саму себя,

значит, она уже не является простой и наивной. Деконструкция Ж. Деррида, как и, шире, весь ход рассуждений в постструктуралистской философии, со всем пафосом подрывает и перегруппировывает традиционные иерархии и традиционные цепочки причинно-следственных связей, где за первым идет второе (как уже было отмечено, в случае Ж.-Ж. Руссо за первым понятием природы следует второе понятие культуры). Для Ж. Деррида, напротив, культура – это первый элемент в цепочке, из которого в форме дополнения выводится второй элемент – критика этой культуры и, соответственно, мысль о природе / природном состоянии. Природа или естественное состояние есть утраченный элемент, который никогда не существовал в реальности, но который постоянно беспокоит субъекта, как бы расщепляет субъекта, в силу чего субъект и пытается к нему навязчиво и постоянно вернуться. Другими словами, Ж.-Ж. Руссо расщепляет понятие «состояние человека» на два противоположных и полных понятия: природное состояние и культурное состояние. Для Ж. Деррида же все сфокусировано на условно понимаемом понятии культурного человека, которое не является самотождественным, смысл не явлен полностью, но всегда отсрочен (*differance*). Культурный человек – неполное понятие с разрывом. Этот разрыв, принимающий форму критики культуры, постоянно беспокоит субъекта. «Восполнение находится где-то посередине между полным отсутствием и полным наличием. Игра этих замен одновременно и восполняет нехватку, и оставляет на ней свою мету. Однако Руссо рассуждает так, будто уже одно только обращение к восполнению (в данном случае – к Терезе) могло разрешить все его беспокойства по поводу посредничества» [5. С. 312].

Второе различие, предпринятое Ж.-Ж. Руссо и проведенное им между письмом и языком, также подвергается деконструктивистской критике со стороны Ж. Деррида. Для Ж. Деррида письмо или протописьмо первично, а язык и живая речь вторичны. В то время как важнейшая особенность текстуальности Ж.-Ж. Руссо формируется в связи с раздвоением его порыва в отношении письма. С одной стороны, Ж.-Ж. Руссо показывает, как письмо разрушает наличие субъекта, утверждаемое речью: речь связана с голосом, а голос подтверждает: я – емь, я – здесь; письму эта ситуация чужда, поэтому, принципиально не нуждаясь в этом, письмо ее устраняет, отодвигая говорящего и, тем более, смысл). С другой стороны, Ж. Деррида демонстрирует, почему работа автора над рукописями романов оказывается средством для овладения того, что ускользает от речи. В результате письмо у Руссо неожиданным образом восстанавливается в правах и оправдывается. Немаловажно, что Ж.-Ж. Руссо прекрасно понимал, что его призыв к возврату в общество, в котором общение не искажено бесконечной цепью письменных распоряжений и циркулярных установлений, а голос и дыхание непосредственно общающихся естественны и ничем не стеснены, но, напротив, раскрепощены и поддержаны свежим воздухом, чистым небом, прекрасной и свежей зеленью, что все это подобно сну и грезам. И та иде-

ально-идиллическая, а с его точки зрения, естественная модель, от которой общество удалилось, без каких-либо усилий не может быть перенесена из воображаемой грезы в неприветливую реальность.

Таким образом, деконструкция и постструктурализм вообще, проанализированные здесь в ракурсе критики Просвещения, позволяют не только на конкретном примере высветить логику борьбы с бинарными оппозициями, но и наметить переход от просвещенческой критики через негативную критику (в духе Франкфуртской школы) к новой критике одновременно и негативной, и просвещенческой критики (в духе постструктурализма). Однако момент с негативной критикой и логикой ее работы – вторым элементом в заявленной во введении цепочке – остался не проясненным до конца. Об этом следующая часть статьи. Для того чтобы прояснить артикулированные выше моменты и высветить на контрасте с негативной критикой Франкфуртской школы работу постструктуралистской критики, следует пристально рассмотреть два концепта: дискурс Университета и фигуру интеллектуала. Для этого необходимо представить рецепцию статьи А. Смулянского «Деполитизация критической мысли и ее исток в отношениях интеллектуала и Университета» и ввести ее в плоскость анализа данной статьи.

Дискурс Университета (с большой буквы как инстанции, чья власть и структуры репрезентации реальности распространяются далеко за пределы университета как топологического пространства) амбивалентен в своей сути, т.е. представляет собой апорию. Чтобы высветить эту амбивалентность, следует сопрячь концепт Университета или дискурса Университета с концептом интеллектуала (впрочем, они и так сопряжены, поскольку один порождается другим, но это будет эксплицировано позже). Такой интеллектуал, каким его отчетливо сформировала социальная и философская мысль XX в., по определению критичен по отношению к любой административной/властной институции и по определению политически ангажирован. Еще Ж.-П. Сартр определил, что любая гуманитарная мысль обладает политическим зарядом, а любой гуманитарий (философ, писатель, критик) так или иначе вплетен в сети власти, т.е. ангажирован. «Я назвал бы того писателя ангажированным, который старается как можно глубже и полнее понять, что находится в одной лодке с другими людьми. В этом случае он для себя и для других переводит сознание ангажированности из спонтанного в обдуманное. Писатель всегда посредник, и его ангажированность только посредничество» [6. С. 68]. В свою очередь М. Фуко продемонстрировал, что Университет является институтом отправления власти (актором в сети властных отношений), который в своей сути может быть приближен к таким репрессивным институтам, как школа, фабрика, больница и т.п. Соответственно, интеллектуал занимает по отношению к Университету критическую позицию и пытается, насколько хватает критического заряда, от него дистанцироваться, его перегруппировать, создать, наконец, свой критический топос внутри, как ему представляется, топоса некритического.

«При этом лишь в не столь давний период обозначилась ситуация, в которой одно только существование такого явления, как Университет, подталкивает интеллектуала к скорейшей превентивной политизации. Именно с Университета и недовольства его политиками сегодня и начинается отсчет истории любого критического ангажемента» [7. С. 3]. Если выразиться кратко, претензии, предъявляемые интеллектуалом Университету, могут быть построены по следующей линии: излишний формализм и превалирование бюрократического подхода к осуществлению деятельности, отсутствие подлинного (в экзистенциальных терминах отчуждения, отмеченных Франкфуртской школой) интереса в области исследований и образования, сцепка с идеологией и работа на идеологические государственные аппараты и, соответственно, вытекающая отсюда встроенность в машинерию общества позднего капитализма.

Все эти претензии в той или иной степени правомерны, обоснованы и требуют какой-то реакции и даже попыток решения. Однако здесь сразу в игру вступает апория Университетского дискурса, тесно связанная с двойственным положением интеллектуала. Опять же, если артикулировать данную апорию очень коротко, то звучать она будет следующим образом: дискурс Университет производит интеллектуала, а Интеллектуал воспроизводит дискурс Университет, и выхода из этой размеченной структуры не предвидится. Теперь подробнее рассмотрим каждую сторону этой атории, чтобы затем поместить их в зону неразличимости, внутри которой критика теряет свой критический потенциал, ангажированность становится аполитичной, а ретроградность и конформизм приобретают черты политической и даже, возможно, революционной активности. Здесь же может быть лучше прояснена позиция С. Жижека, заявленная в самом начале статьи.

Во-первых, критический инструментарий, который интеллектуал задействует в обращении с любой властной/административной/бюрократической институцией и экстраполирует, наконец, на Университет, безусловно предоставлен ему самим этим Университетом. Оптика, позволяющая, как кажется, интеллектуалу, надев белое пальто, отделять зерна от плевел, подлинное от неподлинного, живой дух от задыхающегося формализма, личный интерес от интереса корпорации/идеологии, была откалибрована посредством университетских штудий и исследовательской работы в стенах академии. Критический пафос и патетическая бескомпромиссность, с которой интеллектуал обличает власть вообще и власть университетского дискурса в частности, патологично повторяет тон высоколобых профессоров, обвешанных регалиями и вещающих за

кафедрами о миссии Просвещения. Любая позиция, каким бы критическим потенциалом она ни была заряжена, в момент своей артикуляции занимает место, которое уже занято господствующим дискурсом (в текущем случае, дискурсом Университета). Это происходит хотя бы потому, что артикуляция позиции имплицитно содержит в себе момент утверждения позиции, т.е. автоматического утверждения собственной сетки различий, собственной классификации тех, кого считать правыми, а кого нет. А именно этим проведением различий и ограничением правых от неправых (имеющих право голоса от не имеющих такого права) и занимается Университет на протяжении всей своей истории. Таким образом, считать критику, производимую интеллектуалом, дистиллированной и избавленной от примесей любой репрессивности было бы неправомерно.

Во-вторых, Университет, каким он задумывался (ориентиром и примером здесь может послужить немецкая концепция образования и Университета – *Bildung*), развивался в своей историчности в соответствии с духом критики административного/бюрократического официоза и в соответствии с духом свободы от влияния официальной власти и ее институтов. Это зерно свободолюбия было уронено в почву ещё на заре XVII в., можно сказать, что из него выросло Новое время и вся философия модерна, которые, в свою очередь, взрастили критические школы XX в., обратившиеся против своих корней. Примером, ставшим очевидным благодаря социологическим исследованиям Б. Латура, здесь может послужить противостояние естествознания Р. Бойля и политического философа Т. Гоббса. Р. Бойль и его последователи создали в своих лабораториях и исследовательских центрах (если воспользоваться современной терминологией) пространство свободной научной мысли, независимой от власти суверена (чем и был, собственно, раздосадован Т. Гоббс). Естественно, что академические/исследовательские пространства были созданы не исключительно ради формализма или в угоду политической власти, но ради преимущественно чистого ученого интереса. Таким образом, упрекать университет и (научный) дискурс, им порожденный, в отсутствии критического исследовательского духа и замутненном идеологией сознании было бы неправомерно.

Таким образом, критически проанализированная апория дискурса Университета позволяет перебросить мостик от слепой негативной критики в духе Франкфуртской школы к критике критики / новой критике в духе постструктурализма, что позволяет дополнить заявленную в целях статьи цепочку и окончательно ее репрезентировать.

Список источников

1. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 296 с.
2. Фуко М. Что такое просвещение? // Вестник Московского университета. 1999. № 2. С. 132–149.
3. Руссо Ж.-Ж. Избранное. М. : Детская литература, 1996. 192 с.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М. : АСТ, 2003. 528 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.
6. Сартр Ж.-П. Что такое литература? Минск : Попурри, 1999. 447 с.

7. Смулянский А. Деполитизация критической мысли и ее исток в отношениях интеллектуала и Университета // Синий диван. 2011. № 16. С. 141–161.

References

1. Latour, B. (2021) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. Essay in Symmetrical Anthropology]. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg.
2. Foucault, M. (1999) *Chto takoye Prosveshcheniye?* [What is Enlightenment?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2. pp. 132–149.
3. Rousseau, J.-J. (1996) *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow: Detskaya literatura.
4. Marcuse, H. (2003) *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and Civilization]. Moscow: AST.
5. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Moscow: Ad Marginem.
6. Sartre, J.-P. (1999) *Chto takoye literatura?* [What is Literature?]. Minsk: Popurri.
7. Smulyanskiy, A. (2011) *Depolitizatsiya kriticheskoy mysli i yeye istok v otnosheniyakh intellektuala i Universiteta* [The Depoliticization of Critical Thought and its Origin in the Relations between the Intellectual and the University]. *Siniy divan*. 16. pp. 141–161.

Информация об авторе:

Ульянов А.М. – аспирант, ассистент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия). E-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Uliyanov, postgraduate student, teaching assistant, Orel State University (Oryol, Russian Federation). E-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 13.04.2025;
approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.*